

Вырезка из газеты

СМЕНА

21 АПР 1961

г. Ленинград

Газета №

Она пела с Карузо

Стены просторной комнаты в старом ленинградском доме увешаны портретами прославленных артистов, выдающихся дирижеров. На них — дарственные надписи, адресованные Вере Павловской-Боровик — старейшей русской певице, покорявшей некогда слушателей чудесным своим голосом.

Актриса сидит передо мной — высокая, с удивительно молодыми глазами. Не верится, что моей собеседнице восемьдесят лет, что более полувека назад ей довелось петь с Энрико Карузо...

Я смотрю на его портрет с автографом. Рядом Карузо в партия Хоэ. Размашистая подпись через всю фотографию: «Мадемуазель Вере Павловской на память о спектакле «Кармен» в Гамбурге 15.10.1912 г.».

— В гамбургский театр, — рассказывает актриса, — я была пригла-

шена на сезон 1912—1913 годов. Конечно, волновалась, узнав, что предстоит петь с Карузо.

Павловская - Боровик вспоминает памятный вечер 15 октября 1912 года.

— Его голос, — говорит Павловская - Боровик, — был проникновенным, нежным. А как провел он третий акт! Хоэ — Карузо, услышав, что его мать умирает, устремился в горы. Он бежал за мной, Микаэлой, и все время вполголоса говорил: «Бежим, малютка! Моя мать умирает, она ждет, бежим скорее! Надеюсь застать ее еще в живых». Этих слов в его партии не было. Карузо говорил их от себя и не слушателям, заполнившим зрительный зал, а только мне, Микаэле. Когда мы достигли кулисы на верхней площадке и уже невидимые публике, остановились, я невольно взглянула на Карузо. Его лицо было в слезах. Только услышав апло-

дисменты, он пришел в себя и, не стесняясь меня, быстро вытер рукой лицо. Полностью перевоплотившись в созданный им образ, он плакал настоящими слезами...

После спектакля Карузо пригласил русскую артистку:

— Приходите ко мне завтра на чашку кофе.

Павловская - Боровик запомнила в мельчайших деталях свой визит к Карузо. Они говорили о вчерашнем спектакле, в котором вместе пели, о предстоящем через два дня выступлении в «Аиде». Карузо вспоминал свои гастроли в Петербурге. Утверждал, что такой доброжелательной публики, как в России, нигде не встречал.

— Я собралась прощаться, — чему-то улыбаясь, говорит артистка, — когда Карузо взял из лежащей на столе стопки бумаги листок со штампом отеля, где он

остановился. Поглядывая на меня, стал что-то на этом листке быстро зарисовывать. И все время приговаривал: «Сидите спокойно, мадемуазель Павловская!».

Артистка подходит к секретеру. Открыв один из ящиков, извлекает небольшой листок, бережно уложенный между двумя кусками стекла. Я вижу на нем дружеский шарж на женщину в большой черной шляпе с перьями.

— Передавая его мне, — вспоминает Павловская - Боровик, — Карузо, как бы извиняясь, промолвил: «Если бы вы сидели спокойно и не смеялись, было бы еще больше сходства».

А затем Карузо подарил ей две свои фотографии — те самые, с которыми вот уже пять с лишним десятилетий не расстается артистка.

А. ЛЮБАРСКИЙ